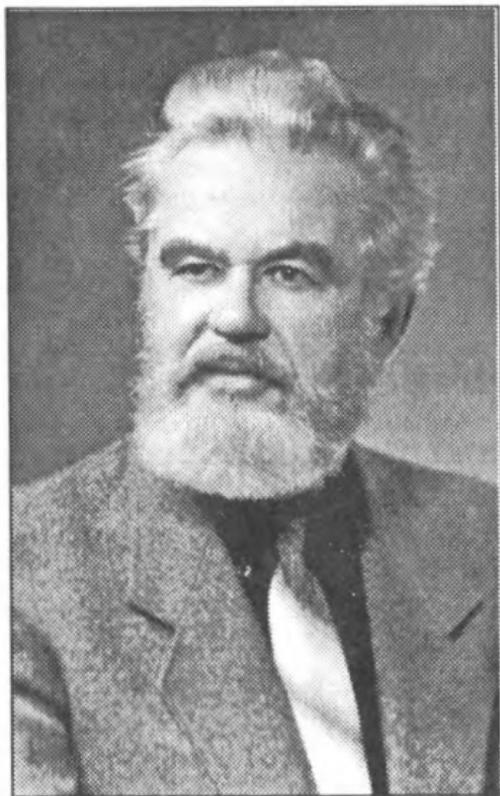

Мануил
Свистунов

Под
северным
грозыным
сияньем

СТИХОТВОРЕНИЯ

M. Chomynsky

Издание подготовлено
по заказу департамента культуры
администрации Вологодской области

Спонсор — правление ОАО “ЭТМ”

© Свистунов М. А., 1999

ISBN 5-690-00040-X

Мануил СВИСТУНОВ

**ПОД СЕВЕРНИМ
ГРОЗНИМ
СМЯСЛИМ**

Стихотворения

KI 289535

Вологда
1999

Под редакцией и с предисловием
В. А. ОБОТУРОВА

Художник
Е. Н. Горячева

На 1-й странице обложки —
репродукция с картины
“Рождество Христово”
заслуженного художника России
М. Г. Абакумова

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СЕБЕ

Начинал он с того, чем завершает книгу своих стихов — с посвящений и эпиграмм, пародий и шуток — эти жанры среди студентов всегда в моде. И был он в них и тогда весел и язвитель, безоглядно добр и остро наблюдателен, широк в своих привязанностях.

Свойства эти сохранил Мануил Свистунов и по сейчас, утверждая их уже как качества своей поэтической природы. Те шутки и пародии созданы сорок с лишним лет назад и забыты, не сохранились.

Очень много этого "лишнего" оказалось в судьбе Свистунова: учитель и директор школы, работник райкома, книгоиздатель... А писательство взяло-таки свое: уже в зрелости издал он сборник рассказов и очерков (о нем моя рецензия в книге "В буднях" 1988 года), своеобразную книжку "Спаси и Помилуй, или Похвала трезвости", неординарную историко-краеведческую книгу о родном Междуречье.

А сборник стихотворений — первый в творческой биографии Мануила Свистунова.

Общепризнано, что поэзия — дело молодых, но молодость Свистунова далеко позади. Между тем, широко известны — конечно, среди великих — факты создания интереснейших книг стихов уже в преклонном возрасте (Тютчев, Полонский, Ахматова, Твардовский). И М. Свистунова на его пути ждали несомненные удачи и очевидные потери.

Желание выразить свои мнения о происходящем в стране порою сказывается рассудочностью. Любовь и уважение к истории Вологды и России иногда оборачиваются излишней восторженностью. Вот самые заметные протори.

Меньше всего стремился поэт к лирическому самовыражению в теме любви, столь притягательной для юности, или к пейзажным медитациям. Зато гражданское самосознание его выразилось остро и многогранно. Для этого и день бегущий, катастрофичный и беспокойный, открывает едва ли не безграничные возможности.

Несомненно, современность — в центре внимания автора, и суждения его суровы, даже категоричны. Он сознает ответственность каждого из нас и свою собственную за судьбу Родины, за ее будущее, не питая напрасных иллюзий. В недавние времена его посчитали бы, наверное, пессимистом. Однако от подобного вывода избавляет нас надежда, которая сквозит во многих его стихотворениях.

Казалось бы, факты и явления, ставшие предметом поэтических изысканий автора, угнетающи как свидетельство о сатанинском действе. Однако грех уныния для людей, рожденных в обществе православных традиций, незаметим. И злость, которая порой подавляет М. Свистунова, становится праведным гневом хозяина страны, с которым не посчитались в перестройках.

Самому Свистунову опорой в надеждах становится русский национальный характер, славное прошлое Вологды. Начинаясь она деяниями святых угодников, — в них находит автор и душевное утешение и уверенность в неизбежном торжестве светлых сил добра над бесовской гнусностью.

Вот эти две особеннности хотелось бы отметить как главное в книге Мануила Свистунова, которая многогранна и в чем-то неожиданна. Она станет созвучна умонастроениям многих любителей поэзии.

Книга "Под северным грозным сияньем" рождалась в русле исканий современной патриотической поэзии. И не случайно стихи Мануила Свистунова привлекали недавно внимание журннала "Наш современник", признанного лидера в борьбе за утверждение национальных идеалов.

Возвращение к себе состоялось через десятилетия, но верится, что для читателей поэзии — истинных граждан России — стихи Мануила Свистунова станут лучом света, лучом надежды.

Василий Оботуров

*Мануил —
на древнееврейском:
с нами Бог.*

Когда в толпу с высот верховных
Дух единенья нисходил,
Слетало слово с уст греховных:
Се мануил, се мануил!

Манили звуки налитые,
Крепили мучеников пыл.
В порфиноносной Византии
Блистало имя Мануил!

И вместе с верой православной,
Как ценность редкая, оно
Среди сокровищ духа главных
В святую Русь занесено.

Уж нет былого единенья.
Переступаю ваш порог
И вижу сонное томлень:
Вам безразличны бес и Бог!

От древних звуков одаренья
Не ждете вы и в этот раз.
Но в них возможность озаренья
Не иссякает и сейчас!

*„На ладони
изначальной“*

На ладони изначальной
Посреди лесов и вод
Лед покровом
Беспечальным
Наша Валюда
живёт.

ПРЕПОДОБНЫЙ ГЕРАСИМ

Он пришел, собой прекрасен,
В нимбе солнечных лучей —
Инок праведный Герасим —
На Кайсаров на ручей.

Был в трудах своих бесстрашен.
В сменах инеев и рос,
Весь резьбою изукрашен,
Храм торжественный возрос.

И над всем окрестным раем
Изначалием начал,
Православье величая,
Медный колокол звучал.

Мы веками-волоками,
Кои помню и люблю,

Всесоборно приникаем
К вологодскому Кремлю.

Здесь земля в сияньи синем,
В ненаглядной красоте,
Как росиночка России,
Как рубин в ее кресте.

Сквозь любые неудобья
Победительно гудит
Воплощенный Преподобным
Вечный благовест в груди.

1997

ГИМН ВОЛОГДЕ

Здравствуй, Вологда-отрада,
Духу русскому уют
И забота, и награда,
Что не всякому дают.

В красоте твоей соборной
Возле храмовых икон
Над рекой плывет просторно
Колокольный вольный звон.

Здесь святое сочетанье
Воли, разума и муз,

Благородное слиянье,
Благодетельный союз.

Ты носи в века иные
На российские поля
Мудрость матери-Софии,
Силу звонницы Кремля!

Юных — древностью порадуй,
Старых — новью удиви.
Здравствуй, Вологда-отрада
Нашей Веры и Любви!

21.VI.99

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

Ты в единстве многоликий,
Сотворивший чудеса,
Устюг-батюшка Великий,
Всероссийская краса!

Устюг — севера вершина,
Как верховный Водолей,
Две струи из двух кувшинов
Ты сливаешь меж полей.

Дочь и Сухоны, и Юга,
Полноводная Двина,

Вплоть до моря, до Мудьюга
Волей русскою полна.

Здесь и братцы-новгородцы,
И ростовцы-суздали
Собирались поборотья
За добро твоей земли.

Разбоярились братцы,
Засучили рукава,
Да велела побрататься
Возмужалая Москва!

И с тех пор в пространство ночи
Век за веком шли и шли
Лодьи, шитики и кочи,
Пароходы, корабли.

Тут мужал и Витус Беринг,
И отсюда вел Дежнев
Открывателей Америк,
Новых русских берегов.

Просветители, витии
Родову ведут отсель,
Землепашцы и святые,
Собиратели земель.

Богатырского терпенья
Родовое ремесло

За десятки поколений
В наши дали проросло.

В мире нет такого места,
Потаенного угла,
Где бы так мороз по жести
Снежной радугой играл!

Замирают от смущенья
Монреаль, Париж и Берн:
Всех приводит в восхищенье
Наша северная чернь!

Вся Россия матерела
От трудов твоих. Считай,
Чрез твои глаза смотрела
На Аляску и Китай!

...А в конце тысячелетья
Прогремел такой курьез:
Будто призванный из нетей,
Объявился Дед-Мороз.

Невеликая проруха,
Но зато какой аврал!
Роль старухи-повитухи
Наш Плеханов разыграл.

Бородой Морозко машет,
С булавой в Москву идет,

Юрья, крестного папашу,
В Президенты поведет!

...Рвутся жилы в напряженьи,
Но велит на свете жить
Кружев каменных круженье
Возвышением души!

И в эпоху Водолея
В череде других эпох
Все напасти одолеем,
Одолеем, видит Бог!

Устюг-батюшка Великий!
Ты себе хозяин сам.
И дела твои, и лики —
Все во славу небесам!

20.VI.99

ВОЛОГДЕ

На ладони изначальной,
Словно вздох лесов и вод,
Под покровом беспечальным
Наша Вологда живет.

Не роптала на обиды,
Берегла сирот и вдов

Сердцевина Фиваиды
Старорусских городов.

Мало ль что потом случится —
Будет наших отличать
Вера кроткая на лицах,
Словно Божия печать.

Обустроим, изукрасим,
Заживет душа в тепле.
Пусть потомкам будет ясен
Подвиг предков на Земле!

Но пока в карманах глухо,
А в суждениях пестро,
Надо спать всего вполуха
И держать его остро!

1998

Черты лица ее размыты
И угловатый беден стан.
Но за холмами еле скрытый
Какой бушует океан!

Какой прибой взметает пену
И у дворца, и у избы!

Но застарелую измену
И не понять и не забыть.

Ах, новорусы! Воля ваша
И ваши в пене времена.
Нам не успеть допить из чаши —
Вам предстоит испить до дна!

Февраль, 1998

СКВОЗНЯК

Страна в устройстве восходила...
И вдруг — шабаш! Пришла возня:
Все, что создали, разделили.
Но тем, кто жали, молотили
Да ось державную крутили,—
Достался каждому — сквозняк!

Сквозняк в просторах наших праздных!
Свистя сквозь зубы налегке,
Полощет бело-сине-красным
Державный дух на сквозняке.

А мысль искусников не дремлет:
Чтоб дальше крепша “благодать”,
Все тем же надобно и землю
Всенепременно отобрать.

Но помня драму: если прямо
Направить на Россию рать —
Веками не обратиться сраму
Дак и порток не отстирать! —
На юридическом точиле
Стремятся выточить ключи,
Чтобы “законно” получилось
Народ с землею разлучить.

И не втемяшишь этим лицам
И как, и сколько ни долдонь,
Что православная земля —
Равно, что Божия ладонь,
Что никогда не будет чуда
Для нас на проданной земле —
В народной памяти Иуда
Всегда качается в петле!

17.XII.97

СТУПЕНИ

Лихо катит мой седьмой десяток!
А в руках — обрывки от вожжей.
В юности ж, еще умишком шаток,
Я себя подзуживал уже:
“Мы пойдем со стартовых площадок
По ступеням звездных этажей!”

И этой дуровой идее
Я отдал все свои затеи!
Но прикатил девятый вал
И все куда-то подевал:
Победы, славу и казну —
Да что: великую страну!

Я лишь сегодня — старый пень —
Переступил свою ступень
В свой блок-нору-гараж-домок —
И то Якуничев помог.

Ведется так у нас в дому:
В нем худо только своему.
Иной вчера из джунглей — глядь:
Берется домом управлять,
Или — без тяготы уму —
Хотя б имуществом в дому.

Пожалуй, что еще опасно:
Вся юридическая паства,
Иначе, весь “электорат”
И поддержать бы вроде рад,
Да как-то корчит маята:
Вот ведь конфессия не та,
Иль похлебал не шито-крыто
Не из совсем того корыта.
Хлебнул — и нате, что за блазь:
Отколь веревка-то взялась?!

Посмотри: в горячечной остуде
Нет такого, кто бы не продрог

На ветрах — свои родные люди —
Радиально брызнувших дорог!

Нет на них ни знаков, ни пощады,
Но чужих инспекторов — взашей!
Наша блажь не удалась — не надо!
С Богом!
В путь!
С разбитых стартплощадок —
По ступеням русских этажей!

8.XI.97

ГРЯДЁТ...

О горе! Стражди, Пенелопа!
Дела ох, как уже плохи.
От вожделения и злобы
Дошли до буйства женихи.

Жуют и пьют невероятно,
Свиной свежуют и телят.
И каждый тащит непомерно.
И пакостят там, где гостят.

А сын твой, скрытно обитая,
Стыдится дома своего.
Одни предания питают
Тайком неопытность его.

Но вот однажды меж кострами
С дорожным посохом в горсти
Дворец, назначенный ко сраму,
Безвестный странник навестит.

Его охают и облают:
Убог и нищ безвестный сей.
И благо, если не узнают,
Что этот странник — Одиссей.

Когда же, в рубище одетый,
Натянет лук, стрелу возьмет,—
Как мрак развеется всесветный,
Так расточится этот сброд!

И Телемах, твой сын печальный,
Сын безотцовщины и войн,
Прозреет, кто восстал из тайны,—
Отец его необычайный
И муж порфирородный твой!

18—21.XI.97

ВЕЧНЫЙ ПЛЕН

Мужик начальственным трудом,
Упорным, долгим
На зависть всем поставил дом,
Скопил на “Волгу”

Житье слагалось по уму.

Идей — несметно.

Но вот пришла болезнь к нему,

Связала смертно.

— Машину, мебель, дом отдам —

Уйди из тела!

— Возьму я только Божий дар! —

Так Смерть хотела.

— Возьми в заглашнике казну,

Браслеты, камни...

— Нет, только Божий дар возьму,

Медь не нужна мне!

И выражали всякий вздор

Мольбы и вздохи.

И продолжался тяжкий торг —

Позор эпохи.

А Жизнь, дивясь на гнусь и мразь

Такого дела,

Тайком калачиком свилась

И отлетела!

Остался Смерти прах и тлен

Земной юдоли.

Достался Жизни вечный плен

Небесной воли!

12.XII.97

КАПЛЯ

Случайно тучку нанесло.
С чего — не знаю.
Упала капля на стекло
Един-ствен-ная.

Сначала бросилась бежать
Что было силы.
Внутри стекла пузырь лежал —
Остановилась.

А бесконечное стекло
Стояло прямо,
И дымкой даль заволокло
До самой рамы.

Нетерпеливая, она
Искала странствий.
Да разве справишься одна
С таким пространством?!

И единичности своей
Уже не рада:
Лежит пылинка на стекле —
И та — преграда!

Боясь неведомой судьбы,
Качнется снова:
Ведь выход все же должен быть —
Но нет такого!

...Закрылся пледом на тахте.
Очнулся — вечер.
В окошко дождик тарахтел —
И стало легче.

Ноябрь, 1997

КОЛОСОК

Из лет моих, как из подполья,
Я в мыслях делаю бросок
В ржаное утреннее поле,
Где рос отборный колосок.

И вижу, как по полю крался,
И твердо зная, что нельзя,
Я до него-таки добрался
И колосок в ладони взял,
Сорвал и, вышелушив зерна,
Я все их съел, голодный, злой,
Но в тайной памяти упорно
Он до сих пор стоит живой!

А время сыпало напасти,
Неся в судьбу за сбоем сбой,—
Сбежали пахари и власти,
Пустырь оставив за собой.

Тот край по щучьему веленью
Еще никто не обласкал.
Там будто не было селений
И ни полей, ни колоска.

.....

В моем побеге невозможном
Своей седою головой
К нему с надеждой осторожной
Клонюсь и чувствую: живой!

1998

НАДРЫВ

На телеграфный стук условный
Слетелись дети в дом родной
И поделили полюбовно
Отца и мать между собой.

Дела решили очень бойко
И в тот же вечер развезли
Отца и мать по дальним стройкам
Своей, казалось бы, земли.

Они добра желали страстно,
Но ни один не сознавал,
Что рвали время и пространство,
А их не всякий создавал.

И старики из разных далей
И обустроенных квартир

Уже недолго наблюдали
Иной уклад и странный мир.

Им порознь было так немило!
И вскоре свет для них угас,
Когда светило восходило —
В один и тот же ранний час.

В бумагах тайных за вещами
Прочли слогов неровных нить,
В которых оба завещали
Их вместе дома схоронить.

...Соединились под крестами
В одну желаемую близь.
Но души нить не перестали,
Их раны вовсе не срослись.

Была от светлого начала
И до последнего темна
Их доля вовсе не случайна:
Любовь едина и одна.

Она одна незримо свяжет
Былых и сущих, пыль и знать.
Одна она!
Но разве скажет
То, что от Бога должно знать?!

9.III.98

ОБЫЧАЙ

Когда и бабка уходила
С косою на утренний лужок,
Она внучонку говорила:
Приставь к калитке батожок
И бегай!

Он по сию пору так и делал:
Не признавал ни в чем замков
И жил средь нас широко, смело,
Как повелось, без дураков,
Открыто!

Но вот сегодня из-за страха,
Что газ включен, средь бела дня
Влетел домой — и так и ахнул:
Дом был ограблен до бедна,
До нитки!

Ну кто решится на такое,
Какая сорвиголова?
У нас последнего изгоя
Не так-то просто воровать
Заставить!

И понял он: не зря же в душу
Давно закрадывался звук:
Любой закон чего-то душит!
Читать их надо между букв,
Условно!

А там и сказано любому
Насчет обычаев и прав:
Проверь замки, идя из дому,
А на работе грабь и правь,
 Не бойся!

Взимай наличную монету
И с лиц, и с образов, и с харь.
А доступ есть — по Интернету
В чужих мозгах и банках шарь
 Спокойно!

А стыд и совесть — шваброй в угол!
Да занавесь глаза икон.
Куда удобнее без пугал!
И будет твой введен закон
 В обычай!

Март, 1998

КРАСАВИЦА

России

— Как странно все переменялось:
Друзья другие и враги!
А та ли я? Скажи на милость,
Но только правду, не солги.

В ответ ей зеркальце простое:
— А поглядишь в меня сперва,
И я ответом удостою,
Твоя ль на шее голова.

20.XI.98

ХОЗЯЕВА

Под солнцем и поздним, и ранним,
Под северным грозным сияньем
Мы русские все, россияне,
И радостно наше слиянье.
Мы заповеди соблюдаем.
И хлеб свой, который съедаем,
Мы в поте лица обретаем.

Славяне и вепсы, и финны,
Веками и верой едины,
От чукчей до гордых суоми —
Якуты, корелы и коми —
Мы сами — хозяева в доме.
И было бы хуже худого —
Родного менять на чужого!

21.XI.97

ВЫСТОИМ!

(Песня)

Поднимайтесь, славянские парни!
Мы по вере и крови родня.
Выходите из вражеских партий!
Нам поможет сегодня одна

Припев.

Сила наша главная —
Вера православная,
Наша власть державная,
Родовая, чистая.
Поднимайтесь!
Выстоим!

Поднимайтесь, славянские жены!
Подставляйте друг другу плечо.
Да останется неискажена,
Изнутри неделима ни в чем

Припев.

Поднимайтесь, славянские дети!
Роковая минута сейчас
Настает для грядущих столетий.
А опора да будет от нас.

Припев.

Поднимайтесь, единством красивые!
Наша воля на долю крепка,

Бог — на небе, под небом — Россия!
Только вместе. И наверняка!

Сила наша главная —
Вера православная,
Наша власть державная,
Родовая, чистая.
Поднимайтесь!
Выстоим!

Апрель, 1999

Ласковый светом небесах,
Жизнь не губитель, сажей,
Я оказался в салом
Неизгорающих огней.

ВРЕМЯ

От давней давности
в скользящей плавности.
Всегда в исправности
незримый ход.
Способны странности
вполне с ума свести,
Да вот не сводят же
который год!

В обычной млечности
свистит в беспечности,
Не зная скорости,—
не тот учет,
Не зная корысти,
совсем без горести,

Всегда напористо
стоит — течет.

Никем не спрошено,
никем не брошено,
Не помнит прошлого —
ни лет, ни верст.
В свистке горошины —
ночное крошево
Блестящих грошиков —
планет и звезд.

Я в центре времени.
Под этим бременем
Без роду-племени как устою?
Я в центре времени.
Живой. Но кремень ли?
Я в центре времени.
Но — на краю!

Апрель, 1998

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Метет серебряной порошей
В мое лицо остаток дня.
Мне что! Я в валенках хороших
И в шубе рыжего огня.

А серый в яблоках летит —
Летит огонь из-под копыт!

Вот кто-то тучи размыкает,
А я не смею отвернуть.
Мой серый в яблоках влетает
С проселка прямо в Млечный Путь!

Здесь мирозданья этажи
Сияют, яркие и свежи.

Несомый светом невесомым,
Коня не чувствуя, саней,
Я оказался в самом сонме
Неизгорающих огней.

И явь божественная в нем
Гораздо ближе, нежели днем.

Всегда порядок повсеместный,
Во всем связующая нить —
Да! Только в Царствии небесном
Такая стройность может быть!

Ошеломлен, я брежу вслух:
Какая Воля, Разум, Дух!

Порывом внутренним стремим,
От тела духом убегая,
Преодолев земной мираж,
Молитвенно перелагаю

Слова простые:
Отче наш!
Святейшим именем Твоим
Твое я царство призываю
В земли чертоги и небес
И на одно лишь уповаю:
Да будет воля всеблагая
И хлеб насущный даждь нам днесь,
Долги оставишь, научая
Примером добрым. Не введи
Во искушение, но избавь
От искуителя забав!
Твое есть Царство — и за ним
Вся сила, слава за одним
Вовеки!

1997

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Она средь гроздей изумрудных
Сияет как особый знак.
Ее найти совсем не трудно
И невозможно не узнать.

Блестя царственной оправой
На все надземные края,
Она полночным балом правит,
Великим балом бытия.

Она — алмаз в короне жгучей
Над нашим счастьем и бедой,
Не поучая, тайно учит —
Внимай!
А если будет случай,
На сон грядущий ты постой
Под этой яростно колючей,
Стоящей на небе всех круче,
Неугасимой, непадучей,
Славянства судьбами ведучей
Полярной ласковой звездой!

Вот видишь: на сердце — ни тучи,
И весь ты — легкий и блестящий,
Ты весь — как месяц молодой!

Ноябрь, 1997

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Над Русью вечером кристальным
Незримо воздух задрожал,—
То странный свет из дальней дали,
Из темной дали побежал.

Как будто занавес узорный,
Переливаясь, открывал
Давно забытых истин зерна,
Каких никто не высевал.

Чьим повелением колышет
Полнеба чудная игра?
Кто занавес так нежно вышил
Игрой добра и серебра?

В нем узорбчье скринниц древних,
Алмазы граней ледяных
И говор ариев напевный,
Орнамент чукчей молодых.

Но из обыденного мира
Здесь быть не может ничего
Такого, что б не оскорбило
И не унизило его.

...А может, это нам знаменье:
Во зле ничто не устоит!
Ужели светопреставленья
Нам предрекает дивный вид?

Ноябрь, 1997

ЗЕМЛЯ

Она, от мрака отряхаясь,
Благую осязая власть,
Преобразующую Хаос,—
Из бездны каплей сорвалась,

В ладонях Божьих покачалась,
Как бы раздумывая,— вдруг,
Уже в планету обращаясь,
Пустилась в бесконечный круг!

Но по чьему тогда велению,
Едва отбившийся от рук,
С Землею вместе, к сожаленью,
И человек попал на круг?

Особый круг, спиралевидный.
По слову главных из заблуд
На нем и дурня необидно
Цивилизованным зовут.

Он сушит море, травит сушу,
Не видит в будущем ни зги,
И удушают злобой душу
Его тщедушные мозги.

Его бесчинства наблюдая,
Бедняжка думает, поди,
Неодолимо увядая:
“Да, пропадаю, пропадаю!
Но хоть бы с круга не сойти”.

30.1.98

КОМЕТА ГАЛЛЕЯ

Кометам рассчитаны сроки.
Но все же была пронзена
Движеньем всеобщим, глубоким,
Как током, моя сторона,
Когда грандиозным кадиллом,
Как мимо неведомой тли,
Комета вдали проходила
В виду потрясенной Земли.

На маленькой нашей планете
Качнуло сознание всех,
Кто вдруг пораженно заметил
Ее огнедышащий шлейф.
Здесь подлые страхи и войны,
Правители, воры, бомжи.
Там — царственна, важна, достойна
Иная, высокая жизнь.

Там старые звезды трепещут,
Возносят хвалу и хулу:
Мол, все эти выскочки блещут
На вечном вселенском балу.
Она проходила красиво.
Но понял я только сейчас:
Такое небесное диво
При жизни случается раз.

Тогда лишь в привычном порядке
Мой дух постоянство обрел,

Когда догорел без остатка
Невнятный уже ореол.
Но вечно в сознании нашем
Космический этот ходок.
И сердце летит за угасшим,
А разум темнит холодок.

Увы, разуменьем спесивым
Проникнуть, оставшийся здесь,—
Куда ей? Зачем? — я бессилён.
А есть куда.
Есть зачем.
Есть!

Апрель, 1998

25 ноября 1998 года

Как Солнце бледное ослабло
Одно в закатной стороне!
И свет его, скупой и зяблый,
Изнемогает в вышине —
Уже болезненный, предзимний,
Перетекающий волной
Из бледно-розового в синий
И в сине-чёрный надо мной.

Былая воля, вера, где ж ты?
Ушла ль вперед, отстала ль с кем?

Такое чувство: нет надежды,
А свет висит на волоске.
Темно и тóмно в клетке тесной!
Но вновь пульсирует висок,
Когда ты вспомнишь, Чей над Бездной,
Чей держит Землю волосок!

25.XI.98

ВЕРА

Святой душе без зренья, слуха
Везде, в любые времена,
Внушаемая Богом-Духом,
Так явно истина видна!

Но если ты умоешь руки
И отвернешься, как Пилат,
В твоих устах чужие звуки —
То звуки тьмы! — заговорят.

И только тем и розны люди,
И тем лишь стоек их разлад:
Одни глаголом душу будят,
Другие блудословьем тьмят.

Ты видишь: выбранные нами
Несут достоинство страны

Как бы в уме и как бы сами
К подножью трона Сатаны.

Тебе досадно и обидно,
И с этим дожил до седин,
Как прежде, истины не видно —
Ты средь незрячих не один.

Их миллиарды преходили
И сколь — неведомо! — прейдут.
Кому и как бы ни кадили —
Для всех единый путь из пут!

И меж других твоя дорога
В свой срок свернется колесом,
Но если скажешь: “Слава Богу!” —
То будет ясно всем и всё!

18.VII.99

СРОКИ

Уж минул-минул срок огромный,
Как в том посаде у реки
Везли зерно, тесали бревна
В рубахах красных мужики.

Играла жизнь в степенстве важном,
А к храму шли со всех сторон —

И раздавался в сердце каждом
Созвучный колоколу звон.

Но в кумачовом и атласном
На Землю дьявол прикатил,
Гордынею и словом красным
Он веру нашу совратил.

И хоть, бывало, побивали —
И был удар неотразим —
Врагов, но чаще попадали,
Гораздо чаще, по своим.

Не смыта кровь. Убита вера.
И нету лучших среди нас.
Но эта мера — все не мера:
Еще наш говор не угас.

Пока не поздно, братья-сестры,
Стряхните дьявольскую гнусь.
Да вызревает ночью звездной,
Копясь, крепясь, святая Русь!

4—7.XI.97

ПРОЦЕСС?..

Процесс пошел. И в самом деле:
Чем меньше дров, тем гуще лес,
В такие дебри залетели,
Что даже Меченый исчез.

Не будем тыкаться в детали,
И так известно хорошо:
Его так плохо рассчитали,
Что с горя по миру пошел.

Но, по газетным судя слухам,
И тут нарвался на скандал:
Один лишь добрый дал, но в ухо,
Да видно, тоже мало дал.

— Какой Сусанин нас оставил!
— Которой просекой пойдем?
— У нас спортивные суставы!
— Не дрейфь, ребята, все путем!

И указующие билли
К любому прибивали пню.
Сначала армию разбили,
Потом напали на Чечню.

А чтобы меньше было горя
И чтобы снова пел народ,—
Отступаем от Приморья —
Пусть Япония возьмет!

Расчет холодный, как в аптеке.
Под мнимо гласную возню
Россию сдали в ипотеку,
Но присебенили казну.

Кричат про новые успехи,
А обалдевшая страна
Глядит с пугливо-глупым смехом:
Ребята, неужто — война?

Но кто заглавный в этой своре?
Кто Гитлер, Геббельс, а кто Гесс?
Но все-то живы, все-то в сборе...
Грядет ли Нюрнбергский процесс?!

Октябрь, 1997

ПОТОМУ

Неизвестность мне кожу не ежит.
Окольцован ночным шалашом,
Космонавт — без защитной одежды —
По Вселенной лечу голышом.

Но тяжелые книги листаю
По ночам — при свече, при Луне.
Борода отрастает густая —
Больше нечем похвастаться мне.

А иные — с Валдая, Синая,
Суетясь в обольщеньи пустом,
То и знай за орбиту сигают,
Только пламя ревет под хвостом!

Им вослед удивляюсь нередко:
Не летать бы с Земли-то пока,
А садить бы здесь репу да редьку,
Да держать бы быка за рога!

Вот и страждут высокие души,
Но прерывист их пламенный ряд.
Им дано сокровенное слушать,
Да не все они нам говорят.

А и скажут: небесного звука
Нам неведомы стали азы.
С каждым днем тяжелее наука
Понимать даже русский язык.

И опасно заглядывать в дали,
Потому задуваю свечу.
В многой мудрости — много печали.
Потому беспечально лечу.

15.11.99

МАМА

В тугую тучу солнце село,
А я смотрю из-за угла:
Уходит мама в платье белом,
Навстречу ей — сырая мгла.

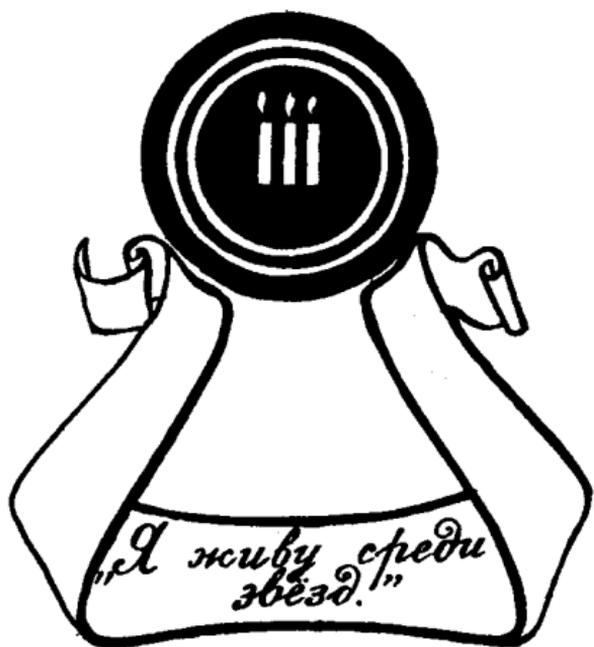
Сказали: правды захотела.
Ее искать — сойдешь с ума.
Уходит мама в платье белом,
А правда вся — она сама.

И волос выбелило мелом,
И горе-горькое при ней.
Уходит мама в платье белом,
Уходит двадцать тысяч дней.

А жизнь, как осень, пожелтела.
А я креплюсь от жгучих слез:
Уходит мама в платье белом,
И это, кажется, всерьез.

Да разве тут займешься делом,
Когда такое впереди:
Уходит мама в платье белом,
А я смотрю, куда идти...

Осень, 1998

Я живу среди звёзд,
И на небе погас
китицево
Я смотрю и желанья
шепчу в шорохах,
наугад...

ВОПРОС

Раскинувшись в траве высокой,
Ребенком в поле я лежал.
Казалось, небо брызнет соком,
А воздух маревом дрожал.

И помню явственно желанье:
Пройти бы это все насквозь!
Насквозь? А дальше? И сознание
И захлебнулось, и зашлось.

Но и потом бывало, каюсь:
Понять безмерность захочу —
Как будто в пропасть низвергаюсь
И без сознания лечу...

Концы концов, начал начала
Я не ишу теперь уже,
И лишь один предназначаю,
Один вопрос своей душе.

С тобою здесь нам было мило
Среди разнообразья нег,
Но что-то смертное стоило,
Тебя подвигло на побег.

Тогда скажи, какую мену
Ты совершила, обомлев,
И что искала непременно
Ты в этом бренном на Земле?

— Да, я согласна: было мило.
Отвечу бренному уму:
Ведь это я себя спросила,
Не удержалась, пошутила,
Сама не знаю, почему...

Ноябрь, 1997

МЫ

Мы не знали любовной науки,
Но сияло при встрече лицо
И шептались несмелые руки.
Осиянные светом округи,
Мы вошли в золотое кольцо.

Незакатное солнце вставало!
И сквозными казались века.
За овалом сиренево-алым
В берегах красоты небывалой
Голубая катила река!

...Уступает восторг непокою.
Исчезают из глаз миражи.
Всё иное за серой рекою.
Надвигается время лихое...
А ведь мы собирались пожить.

Но торопят нас дети и внуки.
Нас торопит само бытие.
Осыпаются краски и звуки.
Мы еще не знавали разлуки.
Мы еще испытаем ее...

15.V.98

ОЧАРОВАНИЕ

Хлопочут в тополях вороны,
Угомоняясь на покой.
А я, закатом озаренный,
Любуюсь небом и рекой.

На водной глади след узорный
Ослаб, размылся, истончал.

И только гаснущие волны
Сонливо хлюпнули в причал.

А туч каемка золотая
Дотлеет скоро в темноте.
Последних бликов божья стая
Истаивает на кресте.

Созвучный общему явлению,
Сливаюсь в радостный покой
С восторгом умиротворенья,
С последним вздохом над рекой.

...Окинет утром луч червонный
Кресты и кроны, и причал,
И дрогнет там, где озаренный
Закатом, кто-то отзвучал.

Октябрь, 1997

ИЮЛЬ

Ольге

В природе — время зрелой стати.
Светило знойное ее
Утонет хмуро на закате —
С востока ясное встает.

А зори даже не смыкают
Своих волнующих ресниц.
Перебирая, рассыпают
Сокровища своих ризниц.

И птицы вещие — зарницы —
Перелетают здесь и там.
Они вещают — озорницы —
Благополучие летам.

Так перекличка заревая
Одолевает сонный рай.
Тут каждый колос вызревает —
И на престол дневной взмывает
Златого солнца каравай!

Октябрь, 1997

ЛИСА

Деревни завалены снегом.
И снегом забиты леса.
Бесшумным и змейчатым следом
Прошла через поле лиса.

Потом попетляла у стога,
Тревожно разрыла жнивье,
Чтоб лапой холодной потрогать
Чужое смешное жильё.

И вдруг на снегу притаилась,
Заслышавши крик петуха.
...А по полю змейно струилась
Мышиных хоромов труха.

Ноябрь, 1997

ВЕСНА

Какая странная весна!
Пришла в слезах — и вдруг остыла,
Меня встряхнула ото сна —
То хмура, то опять ясна —
И обняла, и не простила.

Какая странная весна!
Всему, что было вяло, снуло,
Воды за шиворот плеснула —
И увернулась, как блесна.

А мой зачем печален взгляд?
Ужели счастья не хочу я?
Но... долго птицы не летят.
Наверно, заморозки чуют.

31.X.97

КОЛЫБЕЛЬ

Сейчас придет покой.
Взойдут луна и звезды.
Для появления их
Восток уж загустел.
Оставят иль найдут приют
земные гости —
Гнездо, дупло, нору,
прибежище, постель.

А солнце красное
еще не скрытым боком
Роняет на поля
последнюю постель,
Прощаясь со своим
родителем-Востоком,—
Но это будто я
уже неясным оком
В давным-давно былом
и вовсе недалеко
В свою заглядываю
зыбку-колыбель.

Октябрь, 1997

ЛЮБОВЬ

Известно, что наши прапредки
Учеными были так редко,
В сознаны зияли изьяны:
Ведь родом — слыхать! — обезьяны,
Встречались и даже любили,
А что это значит — забыли,
А может, и сроду не знали.
Такие вот были печали!

Теперь состоянье другое:
Паскудство сочтя за благое,
Заморские дяди втолмачить
Берутся, что все это значит,
И вводят такое понятие:
Любовь — это акт и занятие,
И надо про акт и про штаммы
В учебные втиснуть программы;
Уменья и навыки тоже
Без практики дюже негожи.

Для вас это, милые детки,
В заморской штамповки конфетки
Завернуты гомо- и СПИД,
И скотство, и муже-, и крове-...
Таким искушенье — не внове.
В таких человечество — спит!

Любовь — это дивное чувство!
Любовь — это выше искусства,

Не выдумка выпуклых лбов,
А как было сказано Свыше:
(И вы повторите потише)
Бог есть Любовь!

И нам бы — из плоти и крови —
Подняться до этой Любви!

Но все мы — земное начало,
И пусть бы земное звучало
Молитвой для умного слуха:
Любовь — пребывание Духа,
Любовь — состоянье души,
Любовь — это слово и дело,
Любовь — это чистое тело.
Любовь — это право на жизнь!

Ноябрь, 1997

ЗВЕЗДОПАД

Вот и август к концу.
Ночь наполнена блеском и светом.
Этот свет никогда
Никому не придет угрожать.
Это просто пора.
Это просто кончается лето.
Это время пришло
Собирать золотой урожай.

Все во мне и вокруг
В сокровенном движеньи, броженьи,
Все находит в другом
Дорогую себе ипостась.
Совершает обряд
Благодатное Преображенье.
Я внимаю ему,
С благодарностью перекрестясь.

Я живу среди звезд,
Уважая Тельца и Дракона.
Аритмия моя
Навевает мерцательно грусть.
Я живу среди звезд,
Повинуясь всеобщим законам.
Удивительно ль будет,
Что тоже однажды сорвусь?!

Я живу среди звезд,
И на небо ночное пытливо
Я смотрю и желанья
Шепчу второпях, наугад,
Подставляя глаза
Под широкий космический ливень,
Под шумящий в душе,
Как в саду, золотой звездопад.

4—7. II. 98

СЕКРЕТ

Две тайных тьмы следят за мною —
Не разгадать движенья дум.
А улыбнись — окатит зноем
Любовь ответная и ум!

Как чудодейственен при этом
Простой, казалось бы, секрет:
Две тьмы, пронизанные светом,
И сами излучают свет!

30.1.98

СВЕТ

Глазам от света было больно,
И, избегая мнимых бед,
Я часто вольно и невольно
Смотрел вприщур на белый свет.

С тех пор истер уже немало
Я и сандалий, и годов.
Чему бывать — уже бывало,
А к небывалому — готов.

В глазах обманные туманы
Плывут, особенно близки,
Как положил на очи мамы
Нечистой меди пятаки.

И запоздало укоризны
На глупость вечную валю.
За все расплачиваюсь жизнью
И свет последний, самый ближний
Воспоминанием ловлю.

18.VIII.98

Не будет ^{творения} ~~ничего~~
Среди ~~бессмысленных~~ ^{бессмысленных}
и ~~бессмысленных~~ ^{битых}
Без ~~всякого~~ ^{всякого}
озарения
Господних ~~словом:~~ ^{словом:}
не удивляйся!

СТАРИК

Начальной юности утехой
Прошли, веселые подряд
Года, наполненные смехом.
А было трудно, говорят.

Потом друзей поразметало.
Заботы встали впереди.
Он о себе-то думал мало.
О Боге — Господи, прости!

Он не искал ни льгот, ни выгод.
Сума отстала и тюрьма.
Он воз тянул — глаза навывкат!
Его несла обмана тьма.

Но и достоинство держало!
И в удовольствие иным
Он мало думал за державу,
Он шел в упряжке коренным!

Зато верховные владыки
Уже считали барыши
От тех, кого сочли на выкид,
Кого решили порешить.

Сидит старик. Глаза открыты,
В глазах туманится судьба,
Как за стеклом, давно не мытым.
Он первый раз глядит в себя.

18—21.III.98

УЗЕЛ

Интеллигент, профессор права,
Свою реку, борясь со злом,
Взял у истока дланью правой
И в устье завязал узлом.

На презентации с волнением
Он разлагольствовал и пил.
Поля, соседние селенья,
Леса и церкви подтопил.

Во все туннели, шахты, норы
Гнилая хлынула вода.
Лишились города опоры —
И зашатались города.

Вот, наконец, и в стольный город
Проникла спертая река,
Нашла умельца под забором
И поглотила мужика.

Была земля, а стало вскоре
Под жгучим солнечным огнем
Цветущее гнилое море —
И труп раздувшийся на нем!

26.XI.97

ЧЕРТА

Родители встали до срока.
Пред ними лежала в пыли
Набитая кем-то дорога:
До них,— видно,— люди прошли.

Мучительна детям разлука.
Вспорхнули — и тем же путем!
И тоже ни слова, ни звука
О них не слышали потом.

И только невидимый кто-то
Смеялся, ехидствуя тут:
Идите, раз больно охота.
Дорога уткнута в черту!

Последними тронулись старцы.
Иссякла и эта волна.
Невидимый кончил смеяться:
Черта была подведена!

15.XI.97
Ночь, 2.40

ИЗБА

Стоит изба в широком поле
Уже немалые века.
Стоит как символ общей доли
Земли, народа, мужика.

Всегда открыты окна были.
Их свет горел на всю страну.
Отсюда дети уходили
Тушить проказу и войну.

Горели сами, как поленья.
Без правил против них борьба
Из поколений в поколенья! —
Стояла русская изба!

Но вот пришел приказ державный
Железом двери оковать,
На окна срочно ставить ставни,
На волю носа не совать.

Стоит изба. Зимой и летом
Прогорклый стелется дымок.
В чужих краях сгорели дети,
А сам хозяин занемог.

И ослабевшего тревожа,
В углу гноится телеглаз
И поминутно корчит рожи:
— Мы победили вами вас!

Звенит хрусталь в победном стане!
К избе дороги замело.
И сам хозяин вряд ли встанет:
Уж болен больно тяжело.

Весна, 1998

ВЕСЛО

На берегу реки глубокой
Кривое дерево росло.
Его срубил один убогий,
Кривое вытесал весло

И, насадив таких же “кормчих”,
Он первый в лодке начинал
И пел картаво, между прочим,
Корявый “Интернационал”.

Нечеловеческое пенье!
Погром по всей земле сырой!
И не нашли нигде спасенья
Ни Бог, ни царь и ни герой!

И долго бешеная сила
По воле злобного весла
По гребням волн его носила,
Пока совсем не разнесла.

Осталось будничное дело:
Поминки справить днем одним,
Зарыть измученное тело
И все кривое вместе с ним,—
Но не разверзлася могила!
Останки в будку занесло.
Видать, еще не дорулило
Его бесовское весло.

Январь, 1998

ПРИЗРАК

У власти, в том числе у здешней,
Как и в другие времена,—
Всегда есть призрак-пересмешник,
Чтоб извратить ее до дна.

Он, мастер всяческих диверсий,
Несет с гнусавинкой в носу
В анекдотичном свете версий,
Возможно, истинную суть.

Уподобляясь предержавшей,
Он мягко стелет языком:
— ...Не жизнь, а ужас настоящий!
Гляжу на вас — и в горле ком!
Вам тюрьмы старые не гожи!
Но, чтоб вы не удрали в степь,
Я посажу вас на, положим,
Демократическую цепь:

Я обеспечу до блевоты
Наркоты, секса и вина!
И мне останется заботы —
Забывать про ваши имена!

Декабрь, 1997

ДНО

1

Сотня лет по стране беснованье.
Все крушим до основ основанья.
Сотрясаются стены страны:
То война, то подъем целины.
То подкинем работки зубам:
Прогрызаем сквозь Родину БАМ.
То, надежно усевшись на атом,
Расщепляем его голым задом.
То опять новый класс создаем.
Старый класс на помойку суем.
То, устав без жилья и с жильем,
Мы и землю жулью продаем.
То зимой вызываем дожди,
Муляжи выбираем в вожди.

А какие играем сюжеты
Под обряд обрезанья бюджета!
Наши планы подневно детальны,
Результаты плачевно летальны.
Отступаем под натиском весен,
У врага подкрепления просим.
А в головушках мысли витают,
А над Родиной щепки летают!
И пугает нас только одно:
Не упасть бы на самое дно!

Президент вызывает Чубайса:
 Ты до дна долети, постарайся.
 Глубоко ль там оно, попроведай.
 Возвращайся со славой, с победой.
 А уж мы тебя встретим на бис!
 Но, пожалуйста, не расшибись.
 Ты мой лучший из лучших советчик,
 Мой налетчик, лазутчик, разведчик,
 Мой валютчик, мой главный пятак,
 Ты мой ваучер, мать твою так!

Вот Чубайс обратился в струну.
 Вот Чубайс устремился ко дну.
 Вот летит да как вдруг захохочет:
 — Это кто мои пятки щекочет?
 Но замкнул ему бесик уста
 Пряной кисточкой козья хвоста.
 — Ах, ученая ты голова!
 Ты б ко мне обратился сперва.
 Я все знаю, я здесь обитаю.
 Обскажу тебе все без утаю.
 Ты напрасно, мой старый товарищ,
 Дно какое-то ножками шарить.
 Полетай к своему Президенту,
 Получай там свои дивиденды.
 Приведи ему довод железный:

Дно у бездны искать бесполезно!
Пусть он выбросит эти мыслишки,—
Обойдется без дна и крышки...

12.IV.98

ТЕЛО

По воздуху тело летело
За дальние дали страны,
Стереть в помраченьи хотело
Итоги победной войны.

Махали соломой сарай,
Молчал одичавший овин...
Встречали его самураи
Коллекцией пасмурных вин.

Потом у камина курили,
И каждый друг друга хвалил.
Тонули в дурмане Курилы,
Ко дну уходил Сахалин —
Тонули родные пределы!
Свистала пустая сума!

А тело на пепел глядело
Без воли, без чувств, без ума.

Май — июнь, 1998

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ...

На улицу дворники вышли.
Сбываются наши мечты.
Ах, как бы приветствовал Пришвин
Такую весну чистоты!

Все чисто! Куда еще ехать?!
Живем на подножных кормах.
Нам незачем шарить в сусеках
И зря шебаршить в закромах.

Все чисто! Весна изобилья!
Иду прошлогодним жнивьем.
Мы зверя и птицу убили,
И душу, похоже, убьем!

Все чисто! Весна Интернета!
Весна грандиозных затей,
Буквально всего, чего нету
У самых у русских людей!

26.VI.99

НЕКТО

Я был в стране одной рожден
В горах отлогих.
Под снегом, солнцем и дождем
Молился Богу.

Я долго золота просил.
Не внял Дух Святой.
А сам в Соборы наносил —
Греби лопатой!

И я повел свою игру:
Не провороню —
Все злато мира заберу
В свои ладони.

Лавчонка, лавочка, кабак,
Для важных — пьянки.
Вот — слава Мне! — уже и банк,
Потом и банки.

Сначала тонко потекли,
Затем позвонче
Монеты — доллары, рубли,
Песо, червонцы.

А все цари и короли —
Такие моты
На всех проказниц всей Земли!
На нищих — жмоты.

Забудут все: и честь, и долг
Для сладострастья!
Я ж под проценты — всем им в долг!
Долг — символ власти!

И скачут, скачут занимать —
Все кони в пене!
А я: пожалуйста опять
(В покрытые пени)...

Наполеону втихаря
Помазал лапу —
А он за то накостылял
Святому Папе!

При том прикинул: Божий хрыч,
Еще, пожалуй,
Сгодиться может.
— На, не хнычь,
Носи тиару!

Конвента опытный погром
Вполне удался,
А чтобы дальше рыкал гром,
Я нанял Маркса.

Так просто, будто из горсти,
Вполне пристойно
Я в массы “призрак” запустил —
Возникли бойни.

А революции пошли —
У всех пустели
Казна, мошна и кошель,
Мои — толстели!

Но помню: худо про меня
Никто не каркал,
А я играючи менял
Любых монархов.

Лишь Николай в устройстве дел
Был так уверен!
Со мною знаться не хотел,
Высокомерен!

В Европе вздумал банковать
Чрез третьи лапы.
А эти лапы — в рукавах
Моих сатрапов!

Уплыли денежки царя
Германцу Вилли
И каждым грошиком не зря
По русским били.

А Вилли шайку Ильича
В Россию двинул —
И снова выстрелы стучат
В цареву спину.

Над полем битв моя вожжа
Была все время.
Отца Григория держал
Всегда на стреме.

Такой вот вышел оборот
С Николой прытким.
А Брестский мир мне все вернет!
Ого! — с избытком!

И православия оплот
Узрит такое —
Сто лет костей не соберет
Для упокоя!

Шпану всех стран Ильич-болван
Подмял наивно.
А я — наган в рукав Каплан!
Салют, Фаина!

Да, я не жалую людей!
А разве вправе
Был он — по маме иудей —
Меня ограбить?

Далекий предок завещал:
Не будь разиней:
Все яйца ты не помещай
В одну корзину!

Все фонды, партии, печать,
Движенья, блоки
Не перестанут получать
Лихих и ловких.

В конце концов везде займут
Твои форпосты
Путем насилия и смут
Мои прохвосты.

Пусть даже голову отъест
Один другому —
Всегда ему на смену есть
Подобный Хомо!

А плюс на минус поменять —
Труда не много.
(Ты мог из алгебры понять —
Науки строгой).

Мышленью новому учу
Столицы, веси:
Народы все смешать хочу
До сбродосмеси.

Года немногие пройдут —
Себя забудут
И на себя же приведут
Ко мне Иуду!

Спецназы, собры и омон!
Семье и дому
Защиту выставил Закон?
Нет: мне, родному!

В каком уме, в каком соку,
В каком откорме!
И по всему материку
В единой форме.

Как встанут в рост —
Густая тень
По всей России!
А где охранники кистень
Да зря б носили?!

Они, спецназы, не поймут
Всю боль петиций.
Смотри: по шарикку всему
Блеск репетиций.

Все: обонянье, зренья, слух —
Бывает лживо.
Но безупречен только дух —
То дух наживы!

Я инвестиции кручу,
Что означает:
Верчу, точу, тебе — всучу,
Себе — качаю.

Я покажу нетленной тле —
Вождам, княжатам,
Что можно сделать на Земле,
Отдельно взятой!

Вас ожидают горы зла
И холод жуткий.
Все христианство и ислам
Пройдут сквозь муки.

Но вам осмыслить не дано,
Ни вам, ни прессе,
В чем этот принцип домино —
Смут, войн, депрессий.

Всегда в одной руке держу
Двух злобных измов:
На их побоища гляжу
С большим цинизмом.

И Букингему, и Кремлю
Даю брильянтов,
И в свите Господа кормлю
Коллаборантов!

Искусно в каждую семью
Несу раздоры.
И продают страну свою
Мне компрадоры.

Даю им займы вновь и вновь,
Но разносрочно.

А если где струится кровь,
То дело прочно!

Пока задиристо глядят
Китай, арабы.
Но уж и там взбухает яд.
Пришла пора бы!

А вседержители — родня
В своей основе,
И понимать должны меня
С полполуслова!

И несмотря на вой и стон,
Теперь уж быстро
Я превращу Совбез ООН
В моих министров.

Не оросит моя слеза
Мои дороги.
Но будут ноги мне лизать
Земные Боги!

Теперь деньки мои легки.
Я так банкую:
Забрать способен за долги
Страну любую.

И вашу землю заберу
Клешней мохнатой.
А православие сотру
С земли покатой!

Сижу в соборах подлецов
В любых столицах.
Не узнают мое лицо
Во многих лицах.

Я вызываю их к себе,
Моих клиентов, —
Самодержавных особей
И президентов.

Но появлением своим
Их не балую.
Им выдают ЦУ мои —
Мои холуи!

Я даже Божье естество
В упор не вижу.
Держу у сердца одного —
Того, кто ближе!

А ближний мой — сам Сатана!
Зачем нам третий?
Я сам в любые времена —
Второй на Свете!

Иду в задрипанном пальто
Любым проспектом.
Встречаемые мной — никто!
Я — все! Я — Некто!

Декабрь, 1997

СТУЧУ

Умом такого не объеблю.
Но Бог ведь прямо говорит,
Что небо новое и землю
Он непременно сотворит.

Но, дорогие, это значит:
Благому ведомо допреж,
Что мы не справимся с задачей,
Не достигнем его надежд.

Но, дорогие, это значит,
Хотя он к нам не охладел,
Мы пожелали жить иначе,
И нами дьявол овладел.

Но, дорогие, это значит:
Во зле погрязших не спасут
Надежды наши на удачу —
Всех ожидает Божий Суд!

Но, дорогие, свято веря,
Что хоть кого-то залучу,
Я, малый сей, у вашей двери,
Стою у двери и стучу.

23.XI.97

НЕ УБИЙ!

Лукавцы шепчут нам, что Боже
Из-за гнетущих нас грехов
И не хотел бы, да не может
Не насылать на нас врагов.

А мы, мол, выйдя из терпенья,
Определяем их на слом,
Но, к сожаленью, не уменьем,
А, к оскорблению, числом.

Окститесь! Против преисподней
Откуда нам бы силы брать,
Когда бы ангелы Господни
Не укрепляли нашу рать?!

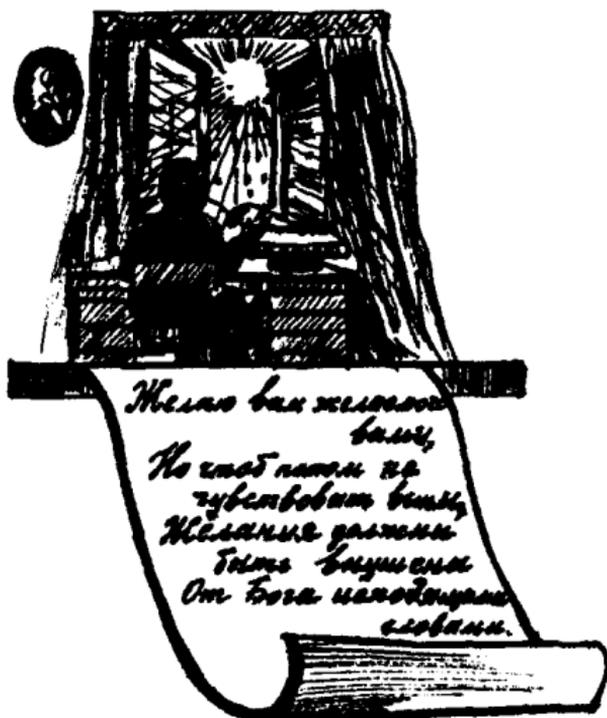
Но то, что, ставя точку в споре
В столицах их по временам,—
Не доблесть — срам, не гордость — горе
И им, и, к сожаленью, нам.

Уловки лживые известны.
А мы и вникнуть не хотим.
На голос дьявольский из Бездны,
Как мотыльки на свет, летим.

Не будет вечного творенья
Среди безгласных и витий
Без всеблагого озаренья
Господним словом: не убий!

16.11.98

Желаю вам желать
всего,
Но чтоб потом не
зубековали бы вы,
Желание дайте
Тому Богу
От Бога изводите
словами.

Епископу
МАКСИМИЛИАНУ

Снуют, колдуют и камлают
Миссионеры разных стран,
И “Розы мира” навевают
Экуменический дурман.

Широкий выбор перед нами
Их конфессиональных “блюд”.
Растерян, вертит головами
Атомизированный люд.

Идя дорогой чести строгой,
Тебе, Владыка, надстоит
Предстательствовать перед Богом:
Пусть Он нас, грешных, вразумит.

Январь, 1997

* * *

*Памяти
Владимира Степановича
и Нины Витальевны*
ЖЕЛЕЗНЯКОВ

Судьба сурова к ним была,
Но вместе в Вологде светла.
И жили здесь, как голубки,
В. С., Н. В. Железняки.

Его история влекла —
Былые славные дела,
Российской жизни полоса,
Ее живые голоса.

Монахи, кравчие, псаря
И православные цари...
Писал их так, что видел свет:
Предателей на троне — нет!

Хранитель памяти людской,
Там был Ванюша Слободской,
И Пересвет, и Гермоген —
Крепители державных ген,
Владелец православных дум —
Высокий духом Аввакум.
Сам Достоевский — будто храм —
Провидец горьких наших драм,
Который, прошлым “бесам” вслед,
Был новым страшен сотню лет!

И тихий Сергей, чьи персты
Народов сдвинули пласты,
Донской Димитрий, чье плечо
Русь всколыхнуло горячо,
А рядом — мудрого мудрей —
Серпуховской братан Андрей.
Еще сгодятся на веку
Такие в запасном полку!
И сам, конечно, Железняк
Пригоден был бы в дни атак.

Ее стихия — кисть и холст.
И незатейлив был и прост
Ее пейзаж и натюрморт:
Любой цветок был жизнью горд!

Но уж почти на склоне лет
Очаровал ее портрет.

...Сидит — лицо без облачков —
С гармошкой Александр Рачков,
Порыв мятущейся души
Улыбкой хочет притушить.
А у отцовского угла
Такая трещина легла!

Вот эти — молодь. А на той
Балакшин Роберт, как святой
Руси прозаик и поэт.
И все-то в нем — добро и свет.

Вот Оботуров. Худ и прям.
Бескомпромиссен и упрям.
И если скажет иногда,
То слово искреннее — да!

Друзей у них был узок круг,
Но Оботуров был их друг,
Про них он так без похвальбы
Сказал: они — “сильней судьбы”!

Вот Шириков — в своей дали —
Он эхо слушает земли.

Гармония душевных струн
В портрете Олечки Шекун.
И если вдруг бы встали пред
Глазами автор и портрет
(Со всем присущим знаку лет) —
Любой бы сразу возгласил:
— Красавицы!
— Всея Руси!

Железняки!
Вы далеки,
Побеги ж ваши так крепки,
Что пронизают толщи стен
И той, и нынешней систем.
Пусть вы не клали этажей,
Но с вами город зрел в душе!

Возлюбленные между нас!
Слова сии — наш общий глас.

Возлюбленные меж собой!
Да уготован вам покой,
Признание в памяти людской
Ныне и присно!

Октябрь, 1997

* * *

*Главе города
Алексею Сергеевичу
ЯКУНИЧЕВУ
в связи с 850-летием Вологды*

Вот что тебе желаю вслух:
Чтоб ясен был державный дух,
Тверда державная рука
И воля умная крепка.
Чтобы идущий вслед или встречу
Дивился мощи этих плеч,
Тобой гордилась бы молва
И чтобы ахнула Москва:
О да-а! Вот это — Голова!
А ты спокойно крест неси:
В кресте — спасение Руси!

Октябрь, 1997

ФАЭТОН*

*М. В. Копьеву
в связи с "Портретом
Игоря Северянина"*

Сиреневым бредом окутан,
Мечтая в призывную тишь,
Сиреневым звуком как будто
Сиреневый бред говоришь.

Чаруемый бредом и звуком,
Вживленный в его перелив,
Ты волен искать и аукать
Волшебные сказки Земли.

...Вдали, ожидая поэта,
Размытому общему в тон,—
Дрожит тетивой арбалета
Готовый взлететь фазтон!

Опять обернуться планетой,
Опять разлететься в куски
И с солнечным рухнуть поэтом
В сиреневость близкой реки.

* Фазтон: 1. Гипотетическая планета, якобы распавшаяся на астероиды. 2. У греков: сын Гелиоса, бога солнца. 3. Конный экипаж с открывающимся верхом.

И это, и много другого,
В сиреновой скрытого мгле,
По мудрому слову Копьева,—
След Бога на этой Земле!

2.XI.97

НА ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА РУБЦОВУ

26 июня 1998 г.

Озябший средь божьего лета,
С дорожною думой в мозгу,
Опять ты стоишь без билета
В толпе на крутом берегу.

И как ни томись, ни надейся —
Такое тебе не впервой —
Не будет отрадного рейса
На Тотьму, к Николе, домой.

И ты поневоле, как птица,
Начнешь про себя напевать.
Есть птице водица напиться,
Нет птице гнезда ночевать.

А люди в трудах беспредельных,
Забыв про житейский уют,

В вагонах, забоях, котельных —
Везде твои песни поют.

Твое вдохновенное слово —
Открытый, прямой самосуд —
Блистательно Шилов и Громов
По русской земле разнесут

И то, как, рожденный из песни
Энергией моря и скал,
Твой облик, земной и небесный,
Шебунин из рук выпускал.

.....

Нам вещие сны — до порога,
До срока — металл и гранит.
Но голос и образ пророка
Вселенская воля хранит!

1 июля, 1998

* * *

Общепороден,
Беспороден,
Подвержен яростным страстям,
Всегда и явно неугоден
Ты тем и нынешним властям.

По судный день, видать, пребудет
Такой вот странный оборот:

Не власти неуютны людям,
А власти мерзостен народ.

В пороке — Савл,
А в славе — Павел?!
Но ты в страдальческой судьбе,
Ты имя русское прославил
Единством сущего в себе!

Томим грехом и ясен светом!
Ты свой выпячивал порок,
Казня его!
При всем при этом
Грехом и светом ты пророк!

1998

* * *

Ах, Рубцов! У тебя ль
Да была не пора ли?!
Открываем теперь
Твою дверь:
Благодать!
Прожалели тебя,
А себя проорали!
И у друга, как встарь,
Уж попросишь едва ли
Не стопарь, не сухарь —
Просто руку подать.

25.IV.99

ДОМ ПЕЧНИКА ШИШИГИНА

В. Н. Страхову

Шишигин был печник-ведун,
Гонитель духов зла,
Не то что тайны наших дум —
Он тайны глины знал!

Был дом его — то видит всяк —
Укрытием от зол.
В нем не держали злых собак,
Держали хлеб да соль.

А то, что власть — всегда напасть,
Он сознавал в уме,
На черный день и черствый час
Укроминку имел.

И только маленький внучок
Как взломщик тишины
Знавал про дедов тайничок
От власти и жены.

Художник!
Ты-то как проник
В его семейный лад,
В его души святой тайник,
В давно былой уклад?!

Как смог укрыть свою тоску
За ласковость мазка?
Ты кистью каждую доску
В опушке обласкал!

И я нередко здесь брожу
На склоне горьких лет.
Здесь русским духом я дышу,
Когда дыханья нет.

Май — июнь, 1998

ПОРА!

А. С. Шилову

Я ухожу. Мой срок назначен.
Придется, братцы, без вина
И без намеков на удачу:
Куда же денется она!

Я утомился под вожжою,
Устал играть наперебой.
Я оставляю все чужое,
А все свое всегда с собой.

А своего-то в этом мире
Не больше, чем у голыша,—

И то без жалости отринет
Собою полная душа.

Потом, возможно, между делом
Признает из далеких мест
Размытый холмик с бывшим телом
И вами вытесанный крест.

Ей больше нет опоры в теле,
Как нет ее в родном краю.
И на земле, от снега белой,
Я, как на облаке, стою.

27.XI.98

МЫСЛЬ

А. И. Солженицыну

Спаси, Господь, от взгляда злого
Твоей судьбы и даль, и близь,
Твое участливое Слово,
Твою живительную Мысль!

Людскую верность и измены
В тисках свободы и в плену
Ты житием своим измерил —
Их высоту, их глубину.

И потому с горящим взором
Прошедший бездну добродей
Через пространства и просторы
Глаголом жжешь сердца людей.

Но для служителей порока
И в Белом доме, и в Кремле,
Похоже, нет уже пророков —
И не в Отчизне! — на Земле!

А у корыт перед престолом
Из рода в род мелькают те,
Чей скорлупы пустой не стоит
Мозаичный “менталитет”.

А время маятник колеблет.
Часы давно заведены.
Они покоя не приемлют —
И нет покоя для страны.

Но в беспокойстве обитая,
Соединяя дно и высь,
Во всем, что дышит, прорастает
Твоя спасительная Мысль!

Февраль, 1999

БЕЗ СОЖАЛЕНЬЯ

В. А. Оботурову

Таится в недрах подсознания,
Что уготован долгий путь
Тому, кто хочет вместе с нами
За грань земного заглянуть.

Узреть туманно-гордым оком,
Что позади, что будет впредь.
Всего-то надо: скинув кокон,
Без сожаленья отлететь.

Тогда, как Сам Хозяин в Доме,
Любой бы мог легко листать
Событья, как дневник в альбоме,
От Аза грешного до Ять.

Увы! Дневник в безмерном поле
По воле Господа возник.
У нас — лишь временные роли,
Мы — иллюстрации в дневник.

В нем толщи лет не оскудели,
Но так спрессованы во дни,
Как будто пряжа из кудели —
Прочны, но призрачны они.

Легко витать в бесплотной неге!
И по путям искусных ген

Неандертальцем можно бегать,
Крушить иль строить Карфаген.

А вон — узнаешь поименно —
В толпе таскают до сих пор
Багрово-алые знамена
И полосатый триколор.

Какая разница, однако,
Какой лоскут таскать в руке!
С любым удобно ехать флагом
Им на российском мужике.

А чуть вперед листнешь страницы —
Опять в смятеньи будешь млеть:
Такие лица в небылицах
Явлены будут на Земле!

И вот захочешь ты подправить
Неотвратимость впереди,
И соблазнительно охватит
Рукою Господа водить.

И тут не будешь ты покинут,
А воплощенный наяву,
Очнешься, может быть, скотиной
В когда-то собственном хлеву.

И будешь сытостью доволен,
А память будет отнята

О проявлении бывшей воли —
Бывала воля, да не та!

.....

...Вечерним солнышком согреты,
Листаем жизненный альбом,
А дух, как дым от сигареты,
Истаять хочет в голубом.

Да, человек — не то, что видишь,
Не взгляд, не разум, не пальто.
Тогда к чему нам этот имидж,
Скажи: мы кто по сути, кто?

В нас тьма времен привычных тает,
Нам вокруг себя сто крат видней.
Но Боже! Как в нас не хватает
Под этим небом этих дней!

15.II.9

*Памяти
Светланы САВИЧЕВОЙ*

Во тьме всегда яснее видны
Вдали горящие костры.
Мы это помним, очевидно,
Еще с младенческой поры.

Но, огрузясь своей посудой,
Своим и солнцем, и дождем,
Степенно выплывая в люди,
Костров в ночи уже не жжем
И только смотрим удивленно
С балкона каменной норы,
Как непомерно удаленно
Над головой горят костры.
От них ни копоти, ни дыма,—
Видать, отличные дрова.
Ах, тех бы дров неукротимых
Да в нашу печь нашуровать!
...Да, там огнями обозначен
Во тьме глубокой Млечный брод,
А здесь — как будто наудачу
Оставлен город и народ.
Пора придет — и мы оставим
Недолговременный приют,
В котором бесы сбились в стаи,
Глумливо прошлое листают,—
Туда, где ангелы поют!
Где, обозначенный кострами,
Во тьме глубокой Млечный брод.
...Но кто из нас между огнями
Давно саднящими ступнями
Неопаляемо пройдет?

Июнь, 1997

*Бабушке
Апполипарии Николаевне*

Твое жильё бедно и чисто.
Светлы оконные глаза.
А за лампадкой золотистой
Лучатся строго образа.

Просторно молвить:
Здравствуй, здравствуй!
Шаги неспешные легки.
Все лето пахнут свежим настом
Веселые половики.

А как отзывчивы на слово
И на туманности в глазу
Любой сучок в бревне еловом
И мшинка каждая в пазу!

...Запас отрадного покоя
Еще со мною наяву.
Среди всемирного разбоя
Я этой памятью живу.

8.III.99

* * *

О. Д.

Бреду житейскими межами,
Переживаю каждый миг,
Как будто не был он меж нами,
Как будто только что возник.

С годами слезы умиления,
Приливы нежности таю.
Как центр всемирного томленья,
Перед тобой сейчас стою.

2.VI.99

ЛЕТИ!

Маше

Лети легко и босоного
По той земле, что всех родней.
Их будет — солнечных — так много,
Как и у нас, бывало, дней!

Тебе и радостно, и мило,
Тепло от добрых голосов,
Как будто землю охватило —
Всю! — золотое колесо!

Лети, как спица в колеснице,
Навстречу будущим летам!
...Каскад каштановый струится
Волос роскошных по пятам.

Июль — октябрь, 1997

КРЫЛАТКА

Лизе

Твой взор безоблачен и ясен,
А носик, вздернутый слегка,
Для божьей твари неопасен:
Он не годится для клевка.

С тебя, крылатки, взятки гладки.
Ты только с виду гладь да тишь.
А зазевайся — без оглядки,
Как свет небесный, улетишь!

Твои заботы не о хлебе,
Твои стремления — смелей:
Ты каждой клеточкою в небе
И лишь перстами на Земле!

Июль, 1998

* * *

Г. И. Соболеву — 60!

Ты — мэтр, ты — воин, ты — один
Среди поющего народа,
В ком слово — делу господин,
В ком голос мужеского рода!

Тебе внимая, из руин
Любой израненный восстанет!
Ты — мэтр, ты — воин, ты — один
Воистину “певец во стане”!..

1998

* * *

Т. Г. Коротковой

Язычок на Двинице отточен.
Голосок, как у пеночки, точен.
Попадаю под тайную власть,
Твой напев единичен и сочен,
И гармонией дух озабочен,
А мелодия — нега и страсть.

Я, Татьяна, люблю тебя очень!

Июль, 1999

* * *

Н. К. Рериху

Ты был, возможно, на пути,
Но некто Темный во плоти
Уздцы коня перехватил
И вместо божеского сада
В роскошный ввел,
Но только в холл,
И только ада.

21.10.1997

* * *

Владимиру Вольфовичу

Ты, Жириновский, говори:
Любили правду и цари.
Да и у нас теперь, как там:
Не рубят головы шутам!

2.XI.9

* * *

А. Б. Чубайсу

Достиженья — колоссальны!
Отношения — вассальны,
Лобызания — сусальны,
Обнищанье — догола.

Впрочем, это нам не новость,
Как и то, что его совесть
Исчезающе мала.

1997

Г. А. Зюганову

Какие сверхзигзаги страсти!
Напор, запор и маята.
В предвосхищении ли власти,
В предошущении ль кнута?

1998

* * *

*Юбилею
300-летия
Российского Флота*

Ну-ка, горькую налей:
Флота нет, есть — юбилей.

1998

ОН И ДУМА

Объятый Думой, Он сидел.
А Дума рядом заседала.
Так с Думой Он и поседел,
А у нее крепки седала!
Седалища! Покой уму,
Опора Родине и торсу!
“Где инвестиций Я возьму,
Чтобы купить у немцев морсу?”
И на немой Его вопрос
Невнятно Дума отвечала,
А означал Ее прононс:
“Ты на прокладки дай сначала!”

Октябрь, 1997

ОПТИМИСТ

— Метель, мороз! Повяли уши,
И птицы гибнут на лету.
В крови озноб, а в сердце — стужа!
Доколь продлится этот ужас?
А то и жить не возмоготу!

— И у меня прогноз унылый.
Но старожилы говорят,
Что правоверное светило
Своим теплом не обходило
Нас много тысяч лет подряд...

26.XI.98

СУТЬ

Новорусам

Соединяйте капитал!
Не тот, что Маркса пропитал,
А тот, который, как металл,
Врагов России разметал!
Который тащат на куски,
Во власть пробравшись воровски.
Разоблачайте миф и блеф
Про добродейство МВФ!

Соединяйте русский дух!
Он лишь у купленных протух.
У нас путей — ни трех, ни двух —
Один! без войн и без разрух
К освобождению от пут —
Один державный русский путь!
В нем — суть!

Март — апрель, 1998

ПОЖЕЛАНИЕ

Желаю Вам желаемого Вами!
Но чтоб потом не чувствовать вины,
Желания должны быть внушены
От БОГА исходящими словами.

Декабрь, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

Возвращение к себе	5
«Когда в толпу с высот верховных...»	7
Часть I	
Преподобный Герасим	11
Гимн Вологде	12
Великий Устюг	13
Вологде	16
Черты лица ее размыты...»***	17
Сквозняк	18
Ступени	19
Грядёт	21
Вечный плен	22
Капля	24
Колосок	25
Надрыв	26
Обычай	28
Красавица	29
Хозяева	30
Выстоим!	31

Часть II	
Время	35
Млечный Путь	36
Полярная Звезда	38
Северное сияние	39
Земля	40
Комета Галлея	42
25 ноября 1998 года	43
Вера	44
Сроки	45
Процесс?	47
Потому	48
Мама	50
Часть III	
Вопрос	53
Мы	54
Очарование	55
Июль	56
Лиса	57
Весна	58
Колыбель	59
Любовь	60
Звездопад	61
Секрет	63
Свет	63
Часть IV	
Старик	67
Узел	68
Черта	69
Изба	70
Весло	71
Призрак	73
Дню	74
Тело	76
Мечты сбываются...	77

Некто	78
Стучу	87
Не убий	88
Часть V	
<i>Епископу Максимилиану</i>	91
<i>Памяти Железников</i>	92
<i>Главе города А. С. Якуничеву</i>	95
Фазтон	96
На открытие памятника Рубцову	97
«Общенароден...»	98
«Ах, Рубцов!..»	99
Дом печника Шишигина. <i>В. Н. Страхову</i>	100
Пора! <i>А. С. Шилову</i>	101
Мысль. <i>А. И. Солженищину.</i>	102
Без сожаленья... <i>В. А. Оботурову</i>	104
<i>Памяти Светланы Савичевой</i>	106
<i>Бабушке Апполинарии Николаевне</i>	108
<i>О. Д.</i>	109
Лети! <i>Маше.</i>	109
Крылатка. <i>Лизе</i>	110
<i>Г. И. Соболеву — 60!</i>	111
<i>Т. Г. Коротковой</i>	111
<i>Н. К. Рериху</i>	112
<i>Владимиру Вольфовичу</i>	112
<i>А. Б. Чубайсу</i>	112
<i>Г. А. Зюганову</i>	113
<i>Юбилею 300-летия Российского Флота</i>	113
Он и Дума	113
Оптимист	114
Суть. Новорусам	115
Пожелание	116

**Мануил Алексеевич
СВИСТУНОВ**

**ПОД СЕВЕРНЫМ
ГРОЗНЫМ СИЯНЬЕМ**

Ответственный за выпуск
В. А. Оботуров

Подписано в печать 30.09.99. Формат 60x84/₃₂.
Уел. печ. л. 3,49. Тираж 5000 экз. Зак. 4947.

ПФ «Полиграфнет»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.